

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 51–84.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 1 (2024): 51–84.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

EDN RIBNYW

И.С. Аксаков как ревизор и обличитель провинциального правосудия

Татьяна Юрьевна Борисова

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург,
Санкт-Петербург, Россия,
tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Tat'yana Yu. Borisova

European University at St Petersburg,
HSE University St Petersburg,
St Petersburg, Russia,
tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Аннотация. Статья посвящена сюжету, обойденному вниманием историков, – деятельности Ивана Сергеевича Аксакова в качестве ревизора земского и уездного судов Астраханской губернии. Обращение к отчетам, подготовленным титулярным советником Аксаковым по особой, им самим разработанной системе, позволяет увидеть, каким образом начинающий чиновник-правовед представлял программу переустройства провинциальных судов в дореформенное время. В рабочих документах и литературном наследии Аксакова отчетливо прослеживается прогрессистская логика столичных чиновников, которые, ориентируясь на западные идеи и институты, понимавшиеся как более развитые, свысока смотрели на «темную» провинцию. В статье представлены конкретные меры, предлагавшиеся Аксаковым для того, чтобы направить провинциальное правосудие в русло закона, а также следствия указанных инициатив, отразившиеся в его дальнейшей судьбе.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., уездный суд, земский суд, И.С. Аксаков, Сенаторская ревизия, чиновничество, государственная служба

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)»), <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>). Автор благодарит Дмитрия Бадаляна и Александру Шишову за их замечания к рукописи этой статьи.

© Борисова Т.Ю., 2024

© Borisova T., 2024

Для цитирования: Борисова Т.Ю. И.С. Аксаков как ревизор и обличитель провинциального правосудия // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 1. С. 51–84, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

I.S. Aksakov as an Inspector and Denouncer of Provincial Justice

Abstract. The article is devoted to the activities of Ivan S. Aksakov as an inspector of the zemstvo and uyezd courts of Astrakhan Governorate, a subject to which historians have paid little attention. Referring to the reports prepared by titular counselor Aksakov according to a special system, which he devised himself, allows us to see how the novice jurist official presented the program for reforming provincial courts during the pre-reform period. Aksakov's working documents and literary legacy clearly show the progressist logic of the capital's officials who looked down on the "benighted" province, considering Western ideas and institutions as better developed. The article presents specific measures proposed by Aksakov in order to direct provincial justice in line with the law and the consequences of those initiatives, which reflected in his fate.

Keywords: judicial reform of 1864, uyezd court, zemstvo court, Ivan Aksakov, Senatorial inspection, bureaucracy, civil service

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project no. 23-18-00520 "Beyond 'Coloniality' and Nationalism: Spaces of Integration in the Russian Empire (19th – beginning of the 20th century)," <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>). The author thanks Dmitry Badalyan and Aleksandra Shishova for their remarks on the manuscript of this article.

For citation: Borisova, T.Yu. "I.S. Aksakov as an Inspector and Denouncer of Provincial Justice." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 1 (2024): 51–84, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-1-2>

В 2024 г. исполняется 160 лет с начала Судебной реформы 1864 г. В историографии последних лет отчетливо прослеживается стремление сместить фокус изучения Судебной реформы с центра на периферию. Новые исследования показывают, что политика преобразований была отчетливо прогрессистской – ориентируясь на западные идеи и институты, которые понимались как более развитые, она свысока смотрела на «темную» провинцию¹. У этой политики была долгая предыстория и специфическая генеалогия. Данная статья ставит своей задачей, опираясь на новые источники, ранее не привлекавшие внимание исследователей, понять контекст, в котором формировались требования реформ.

---

¹ См. *Крестьянников Е.А.* Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // *Вопросы истории*. 2016. № 9. С. 3–20; *Анисимова И.В.* Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // *Журнал Фронтальных Исследований*. 2022. № 1 (7). С. 207–228; *Кирмзе Ш.Б.* Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023.

Речь идет о ревизорских отчетах 1844 г. молодого чиновника-правоведа² Ивана Сергеевича Аксакова. Они являются интересной экспозицией нараставшей необходимости качественных преобразований государственного управления, отражая столкновение передовых взглядов на правосудие в столице и реалий «кривосудия» на местах. Блестящий с точки зрения карьерного роста ревизорский опыт стал для выпускника Училища Правоведения 1842 г. И.С. Аксакова началом долгого процесса разочарования в государственной службе и обращения к общественной деятельности.

Издательская и публицистическая деятельность известного славянофила И.С. Аксакова развернулась во всей полноте после того, как в 1851 г. он вышел в отставку. Символической точкой в карьере чиновника стала яркая сатирическая пьеса «Судебные сцены, или Присутственный день Уголовной палаты», написанная им в 1853 г. Она была опубликована в «Полярной звезде» в 1858 г.³ и в свое время сыграла заметную роль в трансформации общественных взглядов на систему государственного управления, став документальным свидетельством необходимости Судебной реформы. Первый издатель пьесы А.И. Герцен не преминул подчеркнуть свидетельский характер «Судебных сцен», напечатав ее под пространном названием: «Самые достоверные записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, бывшим секретарем Правительствующего Сената, бывшим товарищем председателя Уголовной палаты, бывшим обер-секретарем Правительствующего Сената, бывшим чиновником Министерства внутренних дел»⁴.

Само перечисление должностей показывает, как успешно продвигался выпускник Училища Правоведения И.С. Аксаков по юридической стезе. Исследователи считают, что основу для написания пьесы составил судебный опыт Аксакова в Калужской уголовной палате, где он был заместителем председателя с 1845 по 1847 г.⁵ Представляется, что данное мнение верно лишь отчасти, поскольку отражает только одну сторону деятельности чиновника

---

² В данной статье я использую термин «правовед» в первом общеупотребительном значении (с 1840-х гг. XIX в.) – выпускник Училища Правоведения.

³ Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены // Полярная звезда, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Кн. 4. Лондон: Вольная русская типография, 1858. С. 3–100.

⁴ Отрывок из книги: Самые достоверные записки чиновника очевидца. Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены. С. 3.

⁵ Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате / составитель Т.Ф. Пирожкова. Москва: Правда, 1991. С. 19; Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43.

Аксакова⁶. Его односторонность связана с тем, что до сегодняшнего дня оставался неисследованным интереснейший исторический источник, в котором Аксаков подробно раскрыл недостатки судебных учреждений в провинции. Это сохранившиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома (ИРЛИ РАН) ревизорские отчеты Аксакова об Уездном и Земском судах Астраханской губернии 1844 г.⁷ Изучение данного источника дает наглядное представление о том, как молодой правоведа изобличал провинциальное правосудие и какие меры предлагал к его исправлению.

Из переписки Аксакова с родными видно, что Астраханская губерния, куда он прибыл в составе ревизионной комиссии сенатора П.П. Гагарина, представлялась столичному правоведа диким захолустьем. Однако не только бедность, плохую пищу и негодные бытовые условия увидел молодой чиновник в отдаленной провинции. Особо он отмечал убогость интересов местной жизни, что производило на читавшего с десяти лет газеты Аксакова самое тягостное впечатление:

Удивительно, право, как люди могут жить покойно и счастливо в такой глуши, безо всяких интересов, или с такими мелкими интересами, в такой грязной жизни, что жалко, просто жалко. <...> Нет уж, я в уездном городе, ни жить, ни служить никогда не намерен⁸.

Возможно, такое неприятие провинциальной жизни сформировалось на контрасте с некоторым уже имевшимся у правоведа Ивана Аксакова профессиональным опытом. До своего назначения в ревизорскую комиссию Гагарина он был занят в весьма важном новаторском проекте: как чиновник Сената принимал участие в комиссии молодого Николая Милютина по составлению нового городского положения (принято в 1846 г. для столиц и Одессы)⁹, в котором отчетливо присутствовал реформаторский дух – новые

---

⁶ Оно основано на свидетельстве супруги калужского губернатора А.О. Смирновой-Россет, узнавшей в героях пьесы некоторых калужских сослуживцев Аксакова в тамошней Уголовной палате. *Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания* / составитель С.В. Житомирская. Москва: Наука, 1989.

⁷ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым, Отчет по ревизии астраханского земского суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // Рукописный отдел Пушкинского дома ИРЛИ РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 3. Оп. 5. Д. 3.

⁸ Аксаков И.С. – родным, 22 января 1844 // *Аксаков И.С. Письма к родным, 1844–1849* / составитель Т.Ф. Пирожкова. Москва: Наука, 1988. С. 18.

⁹ Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1. 1823–1848. Аксаковы. Детство. Отрочество. Обучение в Училище правоправедения. Служба при Министерстве юстиции Российской Империи / составители С.В. Мотин и др. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. Ч. 2. С. 6.

представления об ответственном самостоятельном участии подданных в управлении¹⁰. Однако этот дух, как оказалось, был совершенно чужд тем реалиям, которые застал Аксаков в Астрахани.

Со всей серьезностью приступив к своим обязанностям, Аксаков был поражен той безответственностью, которая встречалась ему в ревизуемых учреждениях. Подобные мысли и чувства в той или иной степени встречаются и в других материалах, связанных с сенатскими ревизиями, что делает их чрезвычайно интересным историческим источником, к которому уже обращались исследователи¹¹. В письме родным от 22 января 1844 г. он писал, что в судебных учреждениях губернии наиболее возмутительными являются даже не убогость и беспорядок в делах, а несознательность чиновников:

В здешнем суде нашли мы такое наивное невежество законов и служебного порядка, что члены «оного» не только не умели приготовиться к прибытию ревизора, но даже и в оправдание свое приводят то, чего не скажет и последний писарь в сенате. Видно они воображали, что земский суд такое место, которому сам бог покровительствует, а городок их такой городок, от которого хоть три ночи скачи, ни до какого государства не доскачешь¹².

Чтобы представить, с какими взглядами на суть правосудия Аксаков приступил к ревизии астраханских судов, следует обратиться к его дипломному сочинению «О характере уголовного процесса», написанному в 1842 г.¹³ Из него видно, что выпускник Училища Правоведения представлял себе цели и задачи суда в русле того вектора, который сформулировал идейный вдохновитель училища М.М. Сперанский.

---

¹⁰ *Lincoln W.B. Nikolai Miliutin, an enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977.*

¹¹ См., например, *Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 10–23.*

¹² Аксаков И.С. – родным, 22 января 1844. С. 18.

¹³ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–9. Этот документ был опубликован: *Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Глава 1. Детство, отрочество и юность И. С. Аксакова (1823–1842). Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. С. 41–51.* К сожалению, в публикации отражены не все комментарии преподавателя Гизетти, проверявшего дипломное сочинение Аксакова, поэтому в данной статье я ссылаюсь на страницы неопубликованного документа.

По мысли Сперанского, для исправления правосудия в империи требовались, в первую очередь, «способные и благовоспитанные делопроизводители»¹⁴. Эти делопроизводители-правоведы из достойных дворянских семей должны были возвести применение закона в суде на должную высоту. С полным осознанием высокой миссии правоведа Аксаков подробно расписывал в своем дипломном сочинении, что правосудие должно заключаться в точном трехэтапном исполнении судьями законов:

(1) посредством исследования и удостоверения в существовании преступления; (2) взвешения – известными лицами, представителями общественного правосудия, – вреда, преступлением причиненного; (3) произнесения и исполнения приговора, основанного или на положительном законе, или на разуме всего законодательства. Эта-то совокупность форм, законом огражденных ... называется Уголовным Процессом или Судопроизводством¹⁵.

Называя такой процесс правосудия «общественным правосудием», Аксаков противопоставлял ему опасный субъективизм судьи и возможно известные ему негласные разбирательства, инициированные сотрудниками Третьего Отделения. Он подчеркивал, что в деле правосудия должен править не человек, но закон:

Личность его (судьи. – Т. Б.) уничтожается, и он является орудием совершенно внешней, объективной силы, он должен остерегаться самого себя и внутреннего голоса сострадания. Он должен решать дело не по совести, а по логической силе слова самого закона...¹⁶

Если же подходящий для разрешения дела закон отсутствовал, то Аксаков предлагал информировать Верховную власть о «недостаточности законов». Стройная схема, при которой судья должен был либо применять закон, либо обращаться к Верховной власти, основывалась на принципах прозрачности и подконтрольности письменного правосудия. Юный правовец Аксаков решительно выступал против гласного состязательного суда, отстаивая достоинства именно письменного судопроизводства, которое

¹⁴ Сперанский М.М. «О специальных училищах». Записка. Копия рукой Н.М. Старцова с пометой М.М. Сперанского о докладе императору 24 января 1835 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 637. Д. 782. Л. 3.

¹⁵ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 5.

заключает в себе то преимущество, что, предавая факты бумаге, сохраняет верное свидетельство и доказательство всех подробностей дела, которые при словесном могли бы забыться¹⁷.

Несмотря на критические комментарии проверявшего работу преподавателя и предложение инспектора внести в дипломную работу некоторые исправления, сочинение Аксакова получило высокую оценку. В нем был четко отражен общий дух самодержавной законности Николаевского царствования, усилить который с помощью самых достойных и надежных чиновников из родовитых дворян должно было Училище Правоведения. Ключевыми рабочими принципами этой законности являлось точное исполнение закона, невзирая на лица, и декларируемый отказ от «субъективных воззрений». Легитимность всей системе правосудия придавала Верховная власть. От нее исходили законы, на строгом основании которых судили судьи; она же должна была рассеять все возможные затруднения судьи. Начиная с 1722 г., сенаторские ревизии были важным элементом контроля над правильностью исполнения законов чиновниками на местах¹⁸.

Сенаторская ревизия П.П. Гагарина отличалась явной воспитательно-исправительной задачей, что весьма импонировало правоведам Аксакову. Он с гордостью писал о том, что комиссия Гагарина работала не только с отчетными документами, как другие ревизии. Напротив, прямо в присутственном месте поднимались все текущие «дела, бумаги, производства за три года»¹⁹. Польза от подобного метода проведения ревизии виделась Аксакову в том, что местные чиновники сразу могли понять, как исправить свои упущения, а сенатор получал данные о том, где требуется изменение закона. Таким образом, торжествовало правильное, гласное принуждение к порядку, что было особенно важно для правоведа в виду негласной активности политической полиции²⁰.

В ходе работы комиссии правоведа Аксаков, наиболее деятельный из всех сотрудников комиссии Гагарина, выступал как идеальный ревизор, в руках которого 15-томный Свод законов стал доказательством отсутствия правосудия

---

¹⁷ И.С. Аксаков, О характере уголовного процесса // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 8 об.

¹⁸ Соколов Д.В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Новый ракурс. 2017. № 2. С.123–133.

¹⁹ Аксаков И.С. – родным, 7 апреля 1844. С. 64.

²⁰ Бикташева А.Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 696. См. емкий обзор литературы об участии III отделения в негласном дисциплинировании администрации, в том числе, применительно к судебной власти: Бибииков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 2. С. 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

на местах и одновременно подробной инструкцией по исправлению сложившейся ситуации. В своих отчетах князю Гагарину Аксаков опирался на конкретные статьи закона, требовавшего достойной организации судебных мест. Так, в специальном разделе своего отчета «Внешнее устройство суда» в сухой бюрократической манере он фиксировал, что обустройство судебного учреждения не соответствует предписаниям и перечислял нарушения:

Комната присутствия так тесна, что в ней не устанавливается стол для протоколиста, как предписывается 49 статьей Учреждения Губерний 2 тома Свода законов издания 1842 г. Отдельной прихожей нет, но вход с лестницы прямо в комнату, где помещается гражданское Отделение канцелярии. Столы в канцелярии не только не покрыты сукном, но не имеют даже замков на ящиках в противность 65 статье²¹.

В связи с ограниченностью объема журнальной статьи я не привожу здесь подробно все разоблачения астраханских судов в отчете строгого ревизора Аксакова. Все нарушения он описывал в соответствии с разработанной им схемой, показывая тем самым, что нарушения законов имеют не единичный, случайный, а повторяющийся характер. Приведу лишь основные пункты, которые Аксаков сформулировал для систематизации обнаруженных нарушений. Эти пункты как заглавия разделов ревизорских отчетов Аксакова встречались в его отчетах об уездном и земском судах:

- медленность;
- неправильная сдача в архив неоконченных дел;
- совершенное упущение некоторых дел и предписаний из виду;
- беспорядочность в производстве следствия;
- уклончивость в исполнении предписаний²².

В соответствии с миссией правоведов²³ титулярный советник Аксаков не только фиксировал нарушения, но и требовал исполнения законного порядка и деятельного исправления ошибок проверяемых чиновников. Вот как в письме родным он подчеркивал воспитательный эффект своей ревизии:

Все замечания кладутся тут же карандашом, потом приводятся в порядок, и я делаю судье запросы, на которые он *обязан мне давать письменное*

---

²¹ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 4–4.об.

²² Там же. Л. 1–21 об.

²³ См. подробнее: Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

объяснение, так что каждое упущение очищено или сознанием, или достаточным оправданием» (курсив наш. – Т. Б.)²⁴.

Но объяснения служителей судов Астраханской губернии были совсем не те, которые ожидал услышать Аксаков. К его возмущению, чиновники в ревизуемых судебных учреждениях не только не пытались что-нибудь сделать, чтобы оправдать себя перед начальством, они как будто ничего и не стыдились и всему находили оправдания. Ревизор фиксировал в своем отчете, что чиновники, например, перекладывали ответственность за нарушения на уже отсутствующих коллег. Так, в уездном суде таким козлом отпущения оказался столоначальник Никитин:

Все беспорядки за прежнее время приписывают они бывшему столоначальнику Никитину, отданному за дурное поведение в солдаты²⁵.

Этого же Никитина вспоминали бывшие сослуживцы и тогда, когда Аксаков обнаружил отсутствие дел в архиве уездного суда:

Причины тому настоящим членам не известны, а всему виною поставляются: прежняя беспорядочность дел и беспечность столоначальников, из коих один, Никитин, отдан в солдаты²⁶.

В земском суде виноватым во всех нарушениях оказывался умерший столоначальник Федотов, причем нелепость подобной безответственности действующих чиновников Аксаков передавал заковыченной им прямой речью членов суда:

дело... оказалось вовсе не должным присутствию, что земский суд приписывает вине бывшего столоначальника Федотова, «который, заложив оное в решенные дела, впал в болезнь и умер»²⁷.

В целом, в отчете Аксакова сотрудники земского суда и стоящего над ним уездного суда представляли собой самое жалкое зрелище. Низший земский суд особенно поразил молодого столичного правоведа. В заключении своего отчета о ревизии этого подразделения Аксаков писал:

---

²⁴ Аксаков И.С. – родным, 15 февраля 1844 г. С. 35–38.

²⁵ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 5 об.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Л. 9 об.

Недостаток участия к службе, плохое знание законов, непонимание важности своих обязанностей делают членов Земского суда совершенно к должности приставов не способными. Что касается до исправника, то хотя у него есть много усердия и он более всех работает, но ряд несчастий, поразивших Земский суд, в лице столоначальников Кумакова, Федотова и Федорова, не сдавших свои дела, пьяные канцелярские служители (регистратор), оставление архива без разбора, чрезвычайно затрудняют его и запутывают более и более, несмотря на прилежное сотрудничество неперменного члена Шарапова. По чему я полагал бы назначить комиссию для приведения старых дел в порядок. И частыми ревизиями и строгим наблюдением содержать ведение книг и отчетности по делопроизводству в порядке²⁸.

Если для устранения недостатков в работе низшего суда Аксаков полагал достаточной мерой усиление контроля, то для более высокой инстанции (уездного суда) требовались иные способы воздействия. Проблемы уездного суда были также связаны с кадрами, но тут лишь с помощью частых проверок ситуацию исправить было невозможно. Так, например, судья Копытовский был вполне готов к проверкам. Аксаков констатировал, что судья

радеет не для общей пользы в делах службы, нежели о собственной очистке. Для чего часто недобросовестно отсылает он такие дела назад, которые необходимо должны были быть приняты, и это потому, чтоб к концу года можно было показать меньшее число номеров. В этом он сам мне сознавался и письменно, и словесно²⁹.

Все остальные судебные чиновники, за редким исключением, по разным причинам не были способны к исполнению возложенных на них обязанностей. Судебные заседатели от сословий

как люди неопытные и незнающие, подчинены влиянию судьи. Секретарь человек молодой с малыми способностями и совершенно не сведущий. ...Столоначальник гражданский Алексеев человек способный и усердный, но он, будучи один и не имея способного писца, мало успевает. Должность уголовного столоначальника остается пока праздною, заменить его некем. Писцы же большею частью нетрезвого поведения, совершенно безграмотны и ленивы. Ни один из них не годится в помощники столоначальникам³⁰.

---

²⁸ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 21 об.

³⁰ Там же. Л. 21–21 об.

Чтобы привлечь на службу более способные кадры, Аксаков предлагал изыскать средства для повышения жалованья служителям правосудия. Он полагал, что новые кадры, возможно, не допустили бы несоблюдения требований закона, в особенности для представителей низших сословий, в отношении которых правосудие носило отчетливо сословный характер.

Так, Аксаков фиксировал, что в отношении крестьян, искавших свободы от истязавших их помещиков, суд неправильно трактовал закон в пользу помещиков. Он писал, что разъяснил судье Законы о состояниях, ту часть, в которой прописывалось, что помещики должны были «обязываться подпискою в нечинении ищущим вольности побоев и наказаний без ведома Полицейского начальства». Это было необходимо, потому что в Астраханском уезде, как писал в рапорте Аксаков,

наоборот ищущие вольности все обязываются подпиской в полном повиновении помещику. Между тем по делу о дворовой девке Меланье Сидоровой, ищущей вольности от помещицы Везелевой, Олимпиаде Назаровой, ищущей вольности от Майора Галуна и некоторым другим делам видно, что были жалобы на истязания и жестокие побои помещиков. Вследствие моих замечаний Судья уведомил меня о том, что в уездном суде сделано постановление о обязанности помещиков подпискою³¹.

Аксаков подробно останавливался на том, какое нерадение проявляли уездный и земский суды в решении вопросов, касавшихся нижних сословий и инородцев. С возмущением он писал о том, как затянулось решение вопроса о судьбе девочки Прасковьи, прижитой в крестьянском звании матросом Данилой Васильевым. Губернское правление прислало ее дело в Уездный суд, чтобы «сделать по этому предмету заключение: следует ли Прасковью возвращать в помещичье владение или оставить при отце?» Цензор Аксаков указывал, что пока уездный суд затягивал решение этого дела, закон не соблюдался – ведь матрос не подлежал гражданскому суду. Даже для его допроса по закону нужно было призвать депутата, «чего не сделано»³².

Неудовлетворительное состояние судов было частью общей картины многочисленных нарушений, которые вскрывались ревизией не без труда. В своих письмах из Астрахани Аксаков рассказывал о противодействии ревизии, которое удалось преодолеть только тогда, когда сенатор Гагарин употребил все силы, чтобы решением в столице был снят с должности местный губернатор И.С. Тимирязев. После этого, писал Аксаков, местные начальники перестали противиться ревизорам.

---

³¹ Отчет по ревизии астраханского уездного суда, составленный титулярным советником И.С. Аксаковым // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3. Л. 21.

³² Там же. Л. 15.

Круговая порука местных руководителей перед лицом столичного начальства стала объектом обличения в художественной и публицистической литературе, начиная со знаменитого «Ревизора». Однако увиденное собственными глазами поражало Аксакова тем спокойствием и наивным самооправданием, с которым чиновники объясняли, почему их действия не соответствовали требованиям закона. Ревизор Аксаков отмечал, что из-за убогости интересов чиновники находили местный порядок вполне удобным и не боялись наказаний.

Это спокойствие и даже уверенность провинциальных начальников в своих силах как явное общественное зло позднее обличал М.Е. Салтыков-Щедрин. В сатирическом очерке «Завещание моим детям» его «герой» описывал устои местной круговой поруки в выражениях, свойственных описанию доблести на поле брани, таким образом осмеивая ложный пафос службы дворян престолу. Вот как писатель передавал решимость местных дворян держаться друг за друга перед лицом разоблачителей:

Все мы были люди, все человеки, все чувствовали свои слабости. Если виноват Хлобыстовский, виноват Расплюев, виноват Гвоздилов – могут ли они друг перед другом нос задирать? Ну, и выходила у нас тут дисциплина, ...настоящая, естественная, так сказать, дисциплина. <...> Большею частью тем и оканчивалось, что пошумят, пошумят между собой, а потом и определяют: стоять! А почему стоять? а потому, государи мои, что тронь из нас одного, куда ж бы девались все прочие? Ну, и опять наводят пушки, опять напускают шавок – не шелохнемся, все как один! Что ж бомбардиры-то наши? а вот что: попалят, попалят, увидят, что втуне, – и разойдутся³³.

Перед лицом круговой поруки, когда каждый принимающий решения покрывал других, вырвать кого-то из сплоченных рядов местных руководителей для разбирательства и наказаний было трудно. Показательная ревизия Гагарина была отмечена как особо успешная, а ревизор Аксаков был выделен особо. По представлению Гагарина, Аксаков в июне 1845 г. был «Всемилоостивейше пожалован в Коллежские асессоры»³⁴. (Как мы помним, именно о таком чине мечтал лжеревизор Хлестаков.)

По окончании ревизии Аксаков вернулся к своей прежней службе в московский Сенат. И тут его ждала интересная перемена ролей. В письме товарищу, правоведа Ф.А. Бюлеру он с негодованием писал, что в преддверии ревизии из Санкт-Петербурга его труд в присутствии стал невыносимым. Аксакову поручили создать на бумаге иллюзию активной профессиональной

³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Завещание моим детям // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. Москва: Художественная литература, 1969. Т. 7. С. 18–19.

³⁴ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. С. 53–54.

деятельности для ревизора, на которую не хотели тратить время осуждаемые им астраханские чиновники. Будни Аксакова теперь были заняты совершенно бессодержательным заполнением пустого места в бумагах:

«У нас в настольных реестрах слишком много белого места, надо исписать, непременно исписать, а то министр подумает, что мы ничего не делаем»... – говорит мне вчера ст<атский> сов<етник> двора его и<мператорского> в<еличества> камергер, состоящий за обер-прокурорским столом Ханыков, глупое полено³⁵.

Как видно из других его писем, раздражение Аксакова имело и другую причину: его поэтические произведения нашли своего читателя, однако глубже погрузиться в поэзию и отразить в ней живую исповедь современника, ищущего, сомневающегося, исполненного раздумий, ему мешали сенатские треволнения по поводу предстоящей ревизии. Стихи Ивана Аксакова, известные людям его круга, с начала 1845 г. стали публиковаться. Аксаков снискал похвалу Н.В. Гоголя, который с одобрением отозвался о гражданском пафосе молодого поэта:

В юноше виден талант решительный, стремление приспособить поэзию к делу и к законному влиянию на текущие современные события³⁶.

Этот отзыв Гоголь дал на стихотворение Аксакова, заканчивающееся словами горького сожаления о невозможности изменить неприемлемые проявления общественной жизни:

А сколько прежде поколений
Ждет вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремлений,
И оскорбительность явлений (курсив наш. – Т. Б.),
И безутешная борьба!³⁷

---

³⁵ И.С. Аксаков – Ф.А. Бюлеру, 26 апреля 1845 г. Публикация В.Г. Бухерта // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. IX. Москва: Студия «ТРИТЭ» – Российский Архив, 1999. С. 183–184.

³⁶ Цит. по: Анненкова Е.И. Гоголь и Иван Аксаков: «бесперывная внутренняя переработка» как фактор творчества // Гоголь и пути развития русской литературы. К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 01–03 апреля 2018 г.) / под редакцией В.П. Викулова. Москва; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2019. С. 60–68.

³⁷ Аксаков И.С. Среди удобных и ленивых // Московский литературный и ученый сборник. Москва: В типографии Августа Семена, 1846. С. 216–217.

«Оскорбительность явлений» выделена автором как важное понятие для понимания мотивации Аксакова-правоведа, который осознавал важность воспитательных задач отечественного правоправедения. Если следовать мысли Сперанского, в отличие от отвлеченной юриспруденции, русский аналог этого понятия – «правоправедение» – подразумевал возвышение закона в практике судов. Аксаков стал самым ревностным исполнителем этой идеи. Его письма родным пестрят упоминаниями о систематическом изучении Свода законов и успехах его применения во время ревизии и в дальнейшей судебной деятельности, когда ему удалось по протекции товарищей-правоведов получить в 1847 г. назначение в Калужскую уголовную палату.

Но реалии судопроизводства, убогость и «животная жизнь» служителей закона как в провинции, так и в столицах разочаровали Аксакова. В письмах наиболее близким товарищам-правоведам он откровенно пишет, что изменил свои взгляды на суть службы и должен переменить вектор своего служения. Следуя за голосом истины, он решает отойти от приверженности букве закона. В письме своему товарищу Д.А. Оболенскому Аксаков писал:

Я решительно убеждаюсь, что на службе можно приносить только две пользы: 1) отрицательную, т.е. не брать взятки, 2) частную, и только тогда, когда позволишь себе нарушить закон. Что проку, что закон соблюдается, когда это соблюдение закона не уничтожает зла, не вознаграждает невинность³⁸.

Месяцем позже, отказавшись от предложенной некогда желанной прокурорской должности, он в письме другу Бюлеру разъяснял свое решение:

мои политические мнения получили другое направление, которому я всегда впрочем сочувствовал. И я не хочу принадлежать правительству, т.е. тому, от чего терпит Россия. Благородный чиновник, подлый чиновник, все равно, все чиновник, все жертва системы, ложной и губительной, против которой надо вооружаться, которую надо вырвать с корнем, а не поддерживать. Я убежден, что в службе нельзя принести общей пользы³⁹.

Общую пользу Аксаков видел теперь только в общественной деятельности, направленной на изменение системы. В этом намерении его окрыляли слова поощрения Гоголя. Молодой Аксаков готов был «вооружаться» всеми своими талантами, чтобы законно влиять на текущие современные события. Ревностная

---

³⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой. Т. I. Письма, 1838–1849 гг. / составитель Т.Ф. Прокопов. Москва: Русская книга, 2003. С. 189.

³⁹ И.С. Аксаков – Ф.А. Бюлеру, 21 мая 1845 г. С. 185–186.

служба закону привела правоведа-Аксакова к необходимости пересмотреть роль образованного класса. Теперь он не только хотел утверждать законный порядок, но и «законно влиять» на настоящее. Так, освободившись от дурмана честолюбивых карьерных перспектив, он направил свое внимание на более правильные, с его точки зрения, формы приближения позитивных изменений.

Аксаков надеялся, что в должности председателя Калужской уголовной палаты у него будет больше времени на литературную деятельность, а также на то, что в скором времени он сможет выйти в отставку. Однако в силу своей ответственности он самым активным образом включился в деятельность палаты, хоть и не оставил идею покинуть службу. С большим удовольствием в письмах к родным 1847–1849 гг. Аксаков отмечал, как достойно он себя вел перед лицом надвигавшейся сенатской ревизии из столицы. Если председатель Калужской уголовной палаты ленивый картежник Яковлев трусил, то Аксаков спокойно ожидал ее и не делал особых распоряжений перед ревизией. В письмах родным он писал, что не боится ревизии, потому что

разрешение дел производится мною самым добросовестным образом и между тем довольно быстро. ...часто приходится из пяти или шести томов (Свода законов. – Т. Б.) выбирать статьи для какого-нибудь незначительного решения⁴⁰.

Даже презирая службу как таковую, называя ее «подлой», правоведа Аксаков продолжал быть идеальным чиновником, в руках которого 15-ти томный Свод законов был средством утверждения правильного порядка. Он с удовольствием отмечал, что новое Уголовное уложение, несмотря на тяжеловесность языка, позволяет судье выносить более справедливые решения. Оно требует от судей гораздо большей ответственности:

Наказания очень строги, но зато судья имеет право принимать в соображение даже нравственные побуждения преступника, как-то: бедность, сильное оскорбление и множество других. Конечно, это подает повод к большим злоупотреблениям. Между тем, как я рад этому, ибо звание судьи возвышается, от него требуется глубокое понимание человека, он не простой исполнитель буквы, по духу этих законов ему дается довольно большое поприще для толкования обстоятельств, – вероятно, другой плут, уездный судья, начнет делать такие толкования и рассуждения, что невольно пожалеешь о данном ему произволе⁴¹.

---

⁴⁰ Аксаков И.С. – родным, 21 сентября 1846 г. С. 311.

⁴¹ Аксаков И.С. – родным, 30 октября 1845 г. С. 203.

Осознавая собственное профессиональное превосходство и высокий уровень нравственных притязаний, столичный правоведа с нескрываемым презрением относился к уездным судьям в Астрахани и судебным служителям в Калуге. В письмах родным Аксаков обвинял своих коллег по Калужской уголовной палате в неспособности действовать и брать ответственность за свои решения. Так же как в Астрахани, калужские чиновники не только плохо знали законы, но и не стремились их узнать, довольствуясь умением составлять отчетные документы о своей деятельности. В итоге, для центральных властей на бумаге вполне умело создавалось впечатление, что местные чиновники имеют представление о требованиях законов, а суды эти законы по мере возможностей воплощают на практике.

Наиболее емко свое критическое отношение к провинциальному правосудию Аксаков сформулировал в 1851 г. в преамбуле к пьесе «Судебные сцены». Он подчеркивал, что изображал вполне пошлую и привычную картину губернского правосудия, пороки которого

извиняются легко, уживаются с снисходительной совестью, живут рядом с хорошими свойствами души, принимают даже какую-то вполне искреннюю, добродушную физиономию, убаюкивают самое сознание какую-то особенную простосердечную логику⁴².

В пьесе Аксаков наглядно демонстрировал публике преступную снисходительность судей, жестоко карающих крестьян и потворствующих самодурству помещиков. Проведя читателей своей пьесы за закрытые двери судебного присутствия, автор словно приглашал их стать коллективным ревизором работы суда. В отличие от ревизора-чиновника, который по долгу службы должен был сверить все процессы в судебном месте с предписанным в Своде законом порядком, публика становилась нравственным ревизором. «Оскорбительность явлений» судопроизводства за закрытыми дверями была передана Аксаковым с доскональной точностью и большим количеством ссылок на Свод законов Российской империи. Этими отсылками к Своду пьеса напоминала его ревизорские отчеты в молодые годы.

В отличие от убогих астраханских судов низших инстанций губернский суд, изображенный Аксаковым в пьесе, был удостоен похвал губернатора и самого министра, о чем хвастливо напоминал в одном из действий пьесы председатель суда. Фасад николаевской законности в пьесе был вполне «приличен» по форме (порядок в бумагах) и по содержанию. Решениями суда в пьесе утверждалась четкая сословная иерархия, когда забитые крестьяне были надежно подчинены самодурам-молодцам помещикам. Откровенное обсуждение на сцене

---

⁴² Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. С. 5.

необходимости «очиститься» от дел перед концом года проясняло, каким образом создавались картина порядка в делах суда и достойный фасад системы. При этом, как горько писал Аксаков, «механизм администрации заставляет забывать о цели, и все служащие в России стремятся к одной лишь письменной очистке»⁴³. Однако, по мнению Аксакова, первоначальной задачей при таком правлении должна была стать очистка совести всех служащих.

Заключение

Все произведения Аксакова, написанные им в качестве юного правоведа-теоретика, ревизора, судьи и публициста-обличителя, определенным образом отражали проблемы российского правосудия. Эволюция взглядов Аксакова от идеи следования букве закона на государственной службе к осознанию необходимости общественного служения явилась результатом его разочарования в возможностях административного переустройства правосудия. Проанализированный в статье личный опыт Аксакова-чиновника, отраженный в разноплановых источниках, являет собой важный срез идейного климата подготовки Судебной реформы и профессионализации юридического знания в России. Опыт Аксакова является ценным свидетельством, позволяющим понять, почему в николаевское царствование среди представителей просвещенного слоя общества все резче стала обозначаться необходимость коренных преобразований. Мыслимая сначала в административной логике, она постепенно стала приобретать черты все более влиятельного этического требования.

⁴³ Аксаков И.С. – родным, 17 сентября 1844 г. С. 152.

2024 marks 160 years since the beginning of the Judicial Reform in 1864. The historiography of recent years reveals a clear tendency to shift the focus of research on judicial reform from the center to the periphery. New research shows that the policy of transformation was distinctly progressive: focusing on Western ideas and institutions, which were understood as more developed, it looked down on the “benighted” province.¹ This policy had a long history and a specific genealogy. The present article is based on new sources that have not previously attracted the attention of researchers and aims to understand the context in which the reform requirements were formed.

The article considers the inspection reports of 1844 prepared by Ivan S. Aksakov, a young jurist official.² These reports are an interesting exposition of the growing need for qualitative transformations of public administration, reflecting the clash of different views on justice in the capital and the realities of “crooked justice” on the ground. The experience of inspections, brilliant from the point of view of career growth for I. Aksakov, a 1842 graduate of the School of Jurisprudence, gave start to a long process of disillusionment with public service and turning to public activity.

The publishing and journalistic activity of well-known Slavophile I. Aksakov unfolded in its entirety after he retired in 1851. A symbolic point in the official’s career was the vivid satirical play *Scenes from the Court, or a Court Day of the Criminal Chamber*, written by him in 1853. It was published in *Polyarnaya Zvezda* in 1858³ and played a significant role in the transformation of public views on the system of public administration at the time, becoming a documentary evidence of the need for judicial reform. A. Herzen, the first publisher of the play could not but emphasized the testimonial character of the *Scenes from the Court*, having published it under the lengthy title “The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official. A Court Day of the Criminal Chamber. Scenes from the Court Described by a Retired Court Counselor, Former Secretary of the Governing Senate, Former Deputy Chairman of the Criminal Chamber, Former Chief Secretary of the Governing Senate, Former Official of the Ministry of Internal Affairs.”⁴

---

¹ See E.A. Krest'yannikov, “Scripts of Introduction of Justice of Peace Court in Pre-revolutionary Siberia” [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 9 (2016): 3–20; I.V. Anisimova, “Imperial Judicial Policy in the Central Asian Outskirts in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Main Forms, Directions, and Results” [in Russian], *Journal of Frontier Studies*, vol. 7, no. 1 (2022): 207–28; S.B. Kirmse, *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* [in Russian], trans. A. Lange (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023).

² In this article I use the term “jurist” in its first meaning (commonly used in Russian in the 1840s and later) – a graduate of the School of Jurisprudence.

³ Excerpt from *The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official. A Court Day of the Criminal Chamber. Scenes from the Court* [in Russian], in *Polyarnaya Zvezda*, published by Iskander, and N. Ogarev, bk. 4 (London: Vol'naya russkaya tipografiya, 1858), 3–100.

⁴ Excerpt from “The Most Reliable Notes of an Eyewitness Official,” 3.

The listing of positions shows how successfully I. Aksakov, a graduate of the School of Jurisprudence, advanced along the legal path. Researchers believe that the basis for writing the play was Aksakov's judicial experience in the Kaluga Criminal Chamber, where he was deputy chairman from 1845 to 1847.⁵ It seems that this opinion is only partially true, since it reflects only one side of Aksakov's official activities.⁶ Its one-sidedness can be accounted for by the fact that an interesting historical source has remained unexplored until today. In it, Aksakov revealed in detail the shortcomings of judicial institutions in the province. These are inspection reports on the uyezd and zemstvo courts of Astrakhan Governorate written by Aksakov in 1844,⁷ deposited in the Manuscript Department of the Pushkin House of the RAS (IRLI RAN). Studying this source gives a clear idea of how the young jurist exposed provincial justice and what measures he proposed to improve it.

From Aksakov's correspondence with his family, it is clear that Astrakhan Governorate, where he arrived as a member of the inspection commission headed by Senator P. Gagarin, seemed to the capital jurist to be wild backwoods. However, poverty, bad food, and unsuitable living conditions were not the only things the young official saw in the remote province. He particularly noted how wretched the interests of local life were, which made the most painful impression on Aksakov, who had been reading newspapers since he was ten:

It is amazing, really, how people can live peacefully and happily in such wilderness, without any interests, or with such shallow interests, in such a dirty life that it's a pity, just a pity. . . . No, never will I live or serve in an uyezd town.⁸

---

⁵ I.S. Aksakov, *Letters from the Provinces. A Court Day in the Criminal Chamber* [in Russian], comp. T.F. Pirozhkova (Moscow: Pravda, 1991), 19; S.V. Motin, "'Scenes from the Court' by I.S. Aksakov Published in the *Polyarnaya zvezda* by A.I. Herzen in 1858" [in Russian], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2 (2016): 43.

⁶ It is based on the testimony of the wife of Kaluga Governor A.O. Smirnova-Rosset, who recognized the heroes of the play as some of Aksakov's colleagues in the Kaluga Criminal Chamber. A.O. Smirnova-Rosset, *Diary. Memoirs* [in Russian], comp. S.V. Zhitomirskaya (Moscow: Nauka, 1989).

⁷ "Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnoogo suda, sostavlenniy titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym, Otchet po revizii astrakhanskogo zemskogo suda, sostavlenniy titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym" [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov, Report on the inspection of the Astrakhan Zemstvo Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3. Rukopisnyi otdel Pushkinskogo doma IRLI RAN [Manuscript Department of the Pushkin House of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences] (RO IRLI), St Petersburg, Russia.

⁸ "Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844" [in Russian], in I.S. Aksakov, *Letters to Relatives, 1844–1849*, comp. T.F. Pirozhkova (Moscow: Nauka, 1988), 18.

Perhaps, this rejection of provincial life was formed in contrast to some of the already existing professional experience of jurist Ivan Aksakov. Prior to his appointment to Gagarin's inspection commission, he was engaged in a very important research project: as an official of the Senate, he took part in the commission of the young Nikolai Miliutin on the drafting of a new city regulation (adopted in 1846 for the capitals and Odessa),⁹ which clearly contained some reformist spirit – new ideas about the responsible independent participation of the subjects in the governance.¹⁰ However, it turned out that this spirit was completely alien to the realities that Aksakov found in Astrakhan.

Assuming his duties in all seriousness, Aksakov was struck by the irresponsibility that he found in the inspected institutions. Similar thoughts and feelings are more or less frequently found in other materials related to the senatorial revisions, which makes them an extremely interesting historical source researchers have already addressed.¹¹ In the letter to his family dated January 22, 1844, he wrote that the most outrageous things in the judicial institutions of the province were not the wretchedness and disorder in case files but the unconsciousness of the officials:

In the local court, we found such naive ignorance of the laws and official order that not only did the members of “the aforesaid” know nothing about how to prepare for the arrival of the inspector, but to acquit themselves, they cite what the last clerk in the Senate would not say. They must have imagined zemstvo court to be a place that God himself patronizes, and their town was a town from which you couldn't reach any state even if you rode for three nights.¹²

In order to understand Aksakov's views on the essence of justice when he started to inspect the Astrakhan courts, one should refer to his thesis “On the Nature of the Criminal Process,” written in 1842.¹³ It shows that the graduate of the School of

---

⁹ Ivan Sergeevich Aksakov. *Materials for the Chronicle of Life and Creative Work* [in Russian], iss. 1, 1823–1848. *The Aksakovs. Childhood. Adolescence. Studying at the School of Jurisprudence. Service under the Ministry of Justice of the Russian Empire*, comp. S.V. Motin et al., pt. 2 (Ufa: UYuI MVD RF, 2010), 6.

¹⁰ W.B. Lincoln, Nikolai Miliutin, an Enlightened Russian Bureaucrat (Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977).

¹¹ See, e.g., V.V. Efimova, “Senator D.O. Baranov's Inspection as a Source for Studying the State of Public Administration in Olonets Governorate in the Second Half of the 19th Century” [in Russian], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, no. 2 (93) (2008): 10–23.

¹² “Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844,” 18.

¹³ “I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa” [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, ll. 1–9. RO IRLI. This document was published in S.V. Motin, *Russian Slavophile in Law Enforcement Service. I.S. Aksakov as an Official of the Ministry of Justice and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire* [in Russian] (Ufa: Ufimskii

Jurisprudence viewed the goals and objectives of the court in line with the vector formulated by the ideological inspirer of the school M. Speransky.

According to Speransky, first of all, the correction of justice in the empire required “capable and well-mannered clerks.”¹⁴ These jurist clerks from worthy noble families had to raise the application of the law in court to the proper height. With full awareness of the high mission of jurist, Aksakov wrote in his thesis in detail that justice should consist in the accurate three-stage execution of laws by judges:

(1) by investigating and certifying the existence of a crime; (2) assessing of the harm caused by the crime – by well-known persons, representatives of public justice; (3) pronouncing and executing a sentence based either on a positive law or on the reason of all legislation. This set of forms, protected by law . . . is called Criminal Process or Judicial Proceedings.¹⁵

Referring to such a process of justice as “public justice,” Aksakov opposed to it the dangerous subjectivity of the judge and, perhaps, secret proceedings initiated by the Third Department, which he was aware of. He emphasized that in the matter of justice, the law but not a person should rule:

His (judge’s. – *T. B.*) personality is destroyed and he becomes an instrument of a completely external, objective force; he must beware of himself and the inner voice of compassion. He must decide the case not according to conscience but according to the logical force of the letter of the law. . .¹⁶

If there was no law suitable for resolving a case, Aksakov suggested informing the Supreme power about the “insufficiency of laws.” The orderly scheme, in which the judge had to either apply the law or appeal to the Supreme power, was based on the principles of transparency and accountability of written justice. Young jurist Aksakov resolutely opposed the open adversarial court, defending the merits of written legal proceedings, which,

---

YuI MVD Rossii, 2017), 41–51. Unfortunately, the publication does not include all the comments of H. Guisetti, the teacher who checked Aksakov’s diploma essay, so in this article I refer to the pages of the unpublished document.

¹⁴ “Speranskii M.M. ‘O spetsial'nykh uchilishchakh’. Zapiska. Kopiia rukoi N.M. Startsova s pometoii M.M. Speranskogo o doklade imperatoru 24 yanvarya 1835 g.” [M.M. Speransky ‘On special schools.’ A note. Copy made by N.M. Startsov with the note of M.M. Speransky about the report to the emperor on January 24, 1835]. F. 637, d. 782, l. 3. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscript Department of the National Library of Russia] (OR RNB), St Petersburg, Russia.

¹⁵ “I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa” [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, l. 3. RO IRLI.

¹⁶ *Ibid.*, l. 5.

by putting the facts on paper, have the advantage to preserve the correct testimony and proof of all the details of the case, which could be forgotten in verbal proceedings.¹⁷

Despite the critical comments of the teacher who reviewed the work and the inspector's suggestion that some corrections to the thesis be made, Aksakov's work was highly appreciated. It clearly reflected the general spirit of the autocratic legality of the Nicholas reign, which the School of Jurisprudence was supposed to strengthen with the help of the worthiest and most reliable officials from the well-born nobility. The key working principles of that legality were the exact execution of the law regardless of persons and the declared rejection of "subjective views." The legitimacy of the entire justice system was given to it by the Supreme power. It initiated laws, on the strict basis of which judges judged; it also had to dispel all possible difficulties of the judge. From 1722 on, senatorial inspections were an important element of control over the correctness of the execution of law by local officials.¹⁸

The senatorial revision of P. Gagarin was distinguished by an obvious educational and correctional task, which greatly appealed to jurist Aksakov. He proudly wrote that the Gagarin commission worked not only with report documents as other inspections did. On the contrary, all the current "cases, papers, and proceedings for three years" were inspected right in the office.¹⁹ Aksakov saw the benefit of such an inspection method in the fact that local officials could immediately figure out how to correct their lapses, and the senator received data on where a change in the law was required. Thus, the correct public enforcement of order prevailed, which was especially important for lawyers in view of the secret activity of the political police.²⁰

During the work of the commission, jurist Aksakov, the most active of all the members of the Gagarin commission, acted as an ideal inspector. The 15-volume Code of Laws in his hands became proof of the lack of justice on the ground and at the same time a detailed instruction on amending the situation. In his reports to Prince Gagarin, Aksakov relied on specific articles of the law that required decent

---

¹⁷ "I.S. Aksakov, O kharaktere ugolovnogo protsessa" [I.S. Aksakov, On the nature of the criminal process]. F. 3, op. 1, d. 41, l. 8 ob. RO IRLI.

¹⁸ D.V. Sokolov, "The Evolution of Senatorial Revisions during 1722–1917" [in Russian], *Novyi rakurs*, no. 2 (2017): 123–33.

¹⁹ "Aksakov I.S. – to Relatives, January 22, 1844," 64.

²⁰ A.N. Biktasheva, "Local Authorities in Russia in the First Quarter of the 19th Century (Based on the Data of the Inspections Conducted by the Senate)" [in Russian], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 158, bk. 3 (2016): 696. See a comprehensive literature review on the participation of the Third Department in secretly disciplining the administration, among other things, in relation to the judiciary in G.N. Bibikov, "Supervision of the Third Department over the Private Life of Provincial Officials (1820s–1830s)" [in Russian], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 2 (2019): 79–108, <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

organization of judicial premises. In a special section of his report, “The External Structure of the Court,” he wrote in a dry bureaucratic manner that the arrangement of the judicial institution did not comply with the regulations and listed violations:

The office is so cramped that a desk for the recording secretary is not placed there, as it is prescribed by article 49 of the Provincial Institution, Volume 2 of the Code of Laws of the 1842 edition. There is no separate entrance hall, but the entrance from the stairs is directly into the room where the Civil Department of the Chancery is located. The desks in the chancery are not covered with cloth and, what is more, do not have locks on the drawers, contrary to article 65.²¹

Due to the limited volume of the journal article, I do not cite here in detail the disclosure of the Astrakhan courts in the report of strict inspector Aksakov. He described all violations in accordance with the system he devised himself, thereby showing that violations of the laws were not isolated or random, but repetitive. Let me quote only the main points that Aksakov formulated to systematize the violations detected. These points are found in his reports on the uyezd and zemstvo courts as the titles of the sections in Aksakov’s inspection reports:

- slowness;
- incorrect archiving of unfinished cases;
- complete disregard of some cases and regulations;
- disorder in the investigation;
- evasiveness in the execution of regulations.²²

In accordance with the mission of jurists,²³ not only did titular counselor Aksakov document violations, but he also demanded execution of the legal order and active correction of the errors of the officials under inspection. Here’s how he emphasized the educational effect of his inspection in a letter to his family:

All remarks are put in pencil right there and then put in order, and I make requests to the judge, for which he *is obliged to give me a written explanation, so that every mistake is cleared either by consciousness or by sufficient justification* (italics added. – T. B.).²⁴

---

²¹ “Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 4–4 ob. RO IRLI.

²² Ibid., ll. 1–21 ob.

²³ For more, see R.S. Wortman, *The Development of A Russian Legal Consciousness* [in Russian], trans. M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004).

²⁴ “Aksakov I.S. – to Relatives, February 15, 1844,” 35–38.

But the explanations of the court officials of Astrakhan Governorate were not at all what Aksakov expected to hear. To his indignation, officials in the judicial institutions under inspection did not try to do anything to acquit themselves in the eyes of their superiors. What is more, they seemed to be ashamed of nothing and found excuses for everything. The inspector wrote in his report that officials, for example, shifted responsibility for violations to already absent colleagues. For instance, the head clerk Nikitin turned out to be such a scapegoat in the uyezd court:

They attribute all the confusion of the previous time to the former head clerk Nikitin, who was sentenced to being recruited to soldiers for bad behavior.²⁵

The same Nikitin was remembered by former colleagues when Aksakov discovered the absence of cases in the archive of the uyezd court:

The reasons for this are unknown to the present staff, but the blame is on: the prior disorder of affairs and the carelessness of the head clerks, of whom one, Nikitin, was sentenced to be recruited to soldiers.²⁶

In the zemstvo court, the deceased head clerk Fedotov turned out to be guilty of all violations, and Aksakov conveyed the absurdity of such irresponsibility of acting officials with the direct speech of the members of the court quoted by him:

the case. . . turned out not to be reported to the court at all, which the zemstvo court considers to be the guilt of the former head clerk Fedotov: “Having put it into the resolved cases, he fell sick and died.”²⁷

In general, the staff of the zemstvo court and the uyezd court standing over it presented the most pitiful sight in Aksakov’s report. The lower zemstvo court especially impressed the young jurist from the capital. In the conclusion of his report on the inspection of that court, Aksakov wrote:

Lack of concern in the service, poor knowledge of laws, and lack of understanding of the importance of their duties make the members of the zemstvo court completely incapable of the position of bailiffs. As for the police officer, although he has a lot of zeal and he works more than anyone, a number of misfortunes that struck the Zemstvo Court (in the person of head clerks Kumakov, Fedotov, and Fedorov, who did not hand over their cases, drunken

---

²⁵ “Otchet po revizii astrakhanskogo ueznogo suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 5 ob. RO IRLI.

²⁶ Ibid., l. 7.

²⁷ Ibid., l. 9 ob.

clerks (registrar), leaving the archive in disorder) make his work extremely difficult and confuse it more and more, despite the diligent cooperation of associated judge Sharapov. Therefore, I would like to appoint a commission to put old cases in order and frequent inspections and strict supervision to keep the books and records in order.²⁸

While Aksakov considered strengthening control to be a sufficient measure to eliminate shortcomings in the work of the lower court, other methods of influence were required for the higher instance (the uyezd court). The problems of the uyezd court were also related to personnel, but it was impossible to improve the situation there only with the help of frequent inspections. For example, Judge Kopytovsky was quite ready to be inspected. Aksakov stated that the judge

cares not for the general benefit in matters of service, but for his own clearing. For this reason, he often unfairly sends back the cases that should have been accepted and does it in order to show a smaller number of registered cases by the end of the year. He has confessed this to me both in writing and verbally.²⁹

All other judicial officials, with rare exceptions, were unable to perform their duties for various reasons.

Being inexperienced and ignorant people, associated judges from the estates are subject to the influence of the judge. The secretary is a young man with little ability and completely ignorant. . . . Head clerk Alekseev is a capable and diligent man, but being alone and not having a capable scribe, he accomplishes little. The position of the criminal head clerk remains vacant for now and there is no one to replace him. Scribes, for the most part, are drunk, completely illiterate and lazy. None of them are suitable as assistants to the head clerk.³⁰

In order to attract more capable personnel to the service, Aksakov proposed to find funds to raise the salaries of justice officials. He believed that the new cadres might have prevented non-compliance with the requirements of the law, especially towards the representatives of the lower classes, in respect of whom justice was clearly class-biased.

For instance, Aksakov recorded that in relation to peasants who sought freedom from the landlords who tortured them, the court incorrectly interpreted the law in favor of the landlords. He wrote that he explained to the judge the laws on status,

---

²⁸ “Otchet po revizii astrakhanskogo ueznogo suda, sostavlennyy titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 15. RO IRLI.

²⁹ Ibid., l. 21 ob.

³⁰ Ibid., l. 21–21 ob.

namely, the part which prescribed that landlords had to confirm in writing not to beat and punish those seeking freedom without the knowledge of the police authorities. That was necessary because in Astrakhan Uyezd, as Aksakov wrote in the report,

on the contrary, those seeking freedom are all obliged to confirm in writing full obedience to the landlord. Meanwhile, in the case of house-serf girl Melania Sidorova seeking freedom from the landowner Vezeleva; Olympiada Nazarova, seeking freedom from Major Galun and some other cases, it is clear that there were complaints of torture and severe beatings by landlords. As a result of my remarks, the Judge informed me that a decision had been made in the uyezd court to oblige the landowners to make written confirmations.³¹

Aksakov dwelt in detail on the negligence shown by the uyezd and zemstvo courts in resolving issues concerning lower estates and non-Russians. With indignation, he wrote how much the decision on the fate of the girl Praskovya, who was begot by sailor Danila Vasil'ev in a peasant rank, was delayed. The provincial government sent her case to the uyezd court in order to “make a conclusion on this subject: whether Praskovya should be returned to the landowner’s possession or left with her father.” Censor Aksakov pointed out that while the uyezd court delayed the decision of this case, the law was not observed; after all, the sailor was not subject to a civil court. Even for his interrogation, according to the law, it was necessary to summon a deputy, “which was not done.”³²

The unsatisfactory condition of the courts was part of the overall picture of numerous violations, which were revealed by the inspection not without difficulty. In his letters from Astrakhan, Aksakov talked about the resistance to the inspection, which was overcome only when Senator Gagarin used all his strength to remove the local governor I. Timiryazev from office by the decision in the capital. Aksakov wrote, that after that the local officials stopped resisting the inspectors.

Mutual protection of local leaders in the face of the capital’s authorities became an object of denunciation in fiction and journalistic literature, starting with the famous *The Government Inspector* by N. Gogol. However, what Aksakov saw with his own eyes shocked him with the calmness and naive self-justification with which officials explained why their actions did not comply with the requirements of the law. Inspector Aksakov noted that due to the wretched interests, the local officials found the local order quite convenient and were not afraid of punishment.

Later, M. Saltykov-Shchedrin denounced this calmness and self-confidence of provincial chief officials as an obvious public evil. In the satirical essay

---

³¹ “Otchet po revizii astrakhanskogo uezdnoho suda, sostavlennyi titulyarnym sovetnikom I.S. Aksakovym” [Report on the inspection of the Astrakhan Uyezd Court, compiled by titular counselor I.S. Aksakov]. F. 3, op. 5, d. 3, l. 21. RO IRLI.

³² *Ibid.*, l. 15.

“Zaveshchanie moim detyam” [Testament to my Children], his “hero” described the foundations of local mutual protection in terms typical of the descriptions of valor on the battlefield, thus ridiculing the false pathos of the nobility serving the throne. This is how the writer conveyed the determination of the local nobles to fight for each other in the face of whistleblowers:

We were all people, all human, all felt our weaknesses. If Khlobystovsky is to blame, Rasplyuev is to blame, Gvozdilov is to blame – can they cock their noses at each other? Well, we had discipline here, . . . a real, natural, so to speak, discipline. . . .For the most part, it turned out that they would make noise, make noise among themselves, and then determine: Stop! Why stop? Because, my lords, if you touch one of us, where would all the others go? Well, they are aiming their cannons, they’re letting their mutts loose again – we will not move, we will stand all as one! So what about our cannons? Here’s what: they will fire time and again, see that it is in vain, and go away.³³

In the face of mutual protection, when each decision-maker covered for others, it was difficult to isolate someone from the close-knit ranks of local leaders for trial and punishment. Gagarin’s exemplary inspection was noted as particularly successful, and inspector Aksakov was especially distinguished. According to Gagarin, Aksakov was “most graciously granted the rank of Collegiate Assessor” in June 1845.³⁴ (As we remember, it was this rank that the false government inspector Khlestakov dreamed of.)

Upon completion of the revision, Aksakov returned to his former service in the Moscow Senate. And then an interesting role reversal awaited him. In a letter to his associate, jurist F. Buhler, he indignantly wrote that on the eve of the revision from St Petersburg, his work in the office became unbearable. Aksakov was instructed to create an illusion of active professional activity on paper for the inspector, on which the Astrakhan officials he condemned did not want to waste time. Aksakov’s everyday life was now occupied with completely meaningless filling in empty spaces in the papers:

“We have too much white space in our desktop registers, we must fill it up, we must certainly cover it with writing, otherwise the minister will think that we are not doing anything. . . .” St[ate] Coun[selor] of His I[mperial] M[ajesty’s] court,

---

³³ M.E. Saltykov-Shchedrin, “Testament to My Children” [in Russian], in M.E. Saltykov-Shchedrin, *Collected Works* (Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969), vol. 17, 18–19.

³⁴ Cited in *Ivan Sergeevich Aksakov. Materials for the Chronicle of Life and Creative Work*, 53–54.

chamberlain Khanykov, who is at the chief prosecutor's desk, told me yesterday, a stupid log.³⁵

As can be seen from his other letters, Aksakov's irritation had another reason: his poetic works found their readers, but he was prevented from diving deeper into poetry and reflecting in it the living confession of a contemporary, who was searching, doubting, and full of thoughts, by Senate worries about the upcoming revision. The poems of Ivan Aksakov, known to the people of his circle, began to be published in the beginning of 1845. Aksakov won the praise of N. Gogol, who praised the civic pathos of the young poet:

There is a determined talent in the young man, a desire to adapt poetry to the cause and to a legitimate influence on current events.³⁶

Gogol gave this review to Aksakov's poem, ending with the words of bitter regret about the impossibility of changing unacceptable manifestations of public life:

And how many generations
Again await unrighteousness of fate,
The heavy burden of aspirations,
And *the offensiveness of events* (italics added. – T. B.),
And heartbreaking strife!³⁷

“The offensiveness of events” is highlighted by the author as an important concept for understanding the motivation of jurist Aksakov, who realized the importance of the educational tasks of domestic law studies. If we follow Speransky's thought, unlike abstract science of law, Russian equivalent of this concept – jurisprudence – implied the elevation of law in the court practices. Aksakov became the most zealous executor of this idea. His letters to his family are full of references to the systematic study of the Code of Laws and the success of its application during the inspection and in further judicial activity, when under the patronage of fellow lawyers, he managed to receive an appointment to the Kaluga Criminal Chamber in 1847.

---

³⁵ “I.S. Aksakov – to F.A. Buhler, April 26, 1845. Publication by V.G. Buchert”, in *Russian Archive. History of the Fatherland in Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries* [in Russian], iss. 9 (Moscow: Studiia “TRITE” – Rossiiskii Arkhiv, 1999), 183–84.

³⁶ Cited in E.I. Annenkova, “Gogol and Ivan Aksakov: ‘Continuous Internal Processing’ as a Factor of Creativity” [in Russian], in *Gogol and the Ways of Development of Russian Literature. To the 200th Anniversary of I.S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings: A Collection of Scientific Articles Based on the Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, April 1–3, 2018)*, ed. V.P. Vikulov (Moscow; Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 2019), 60–68.

³⁷ I.S. Aksakov, “Among the Suitable and the Lazy” [in Russian], in *Moscow Literary and Scholarly Collection* (Moscow: V tipografii Avgusta Semena, 1846), 216–17.

But the realities of legal proceedings, the wretchedness and “animal life” of law enforcement officers both in the provinces and in the capitals disappointed Aksakov. In letters to his closest legal associates, he frankly wrote that he had changed his views on the essence of the service and had to change the vector of his service. Following the voice of truth, he decided to move away from adherence to the letter of the law. In a letter to his associate D. Obolensky, he wrote:

I am strongly convinced that there are only two uses one can be of at service: (1) negative, i.e. not to take bribes, (2) private, and only when you allow yourself to break the law. What good is it that the law is observed when this observance of the law does not destroy evil, does not reward innocence.³⁸

A month later, having refused the once-coveted prosecutor’s position, he explained his decision in a letter to his friend Buhler:

my political opinions have taken a different direction, which, however, I have always sympathized with. And I don’t want to belong to the government, i.e. to what Russia suffers from. A noble official, a vile official, all the same, it is an official, a victim of the false and disastrous system, which must be fought against, which must be uprooted, not supported. I am convinced that it is impossible to bring common benefit in the service.³⁹

Aksakov now saw the general benefit only in public activities aimed at changing the system. In this intention, he was inspired by Gogol’s words of encouragement. Young Aksakov was ready to “arm himself” with all his talents in order to legally influence the current events. Zealous service to the law led jurist Aksakov to the need to reconsider the role of the educated class. Now he wanted not only to assert the legal order but also to “legitimately influence” the present. Thus, having freed himself from the dope of ambitious career prospects, he turned his attention to more correct, from his point of view, forms of approaching positive changes.

Aksakov hoped that as chairman of the Kaluga Criminal Chamber he would have more time for literary activities and that he would be able to retire soon. However, due to his responsibility, he became very actively involved in the activities of the Chamber, although he did not abandon the idea of leaving the service. In his letters to relatives of 1847–49 Aksakov noted with great pleasure how well he behaved in the face of the impending Senate inspection from the capital. While chairman of the Kaluga Criminal Chamber, lazy gambler Yakovlev, got cold feet, Aksakov calmly

---

³⁸ *Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters. An Epistolary Diary, 1838–1886. Preface, Commentary and Memoirs by A.F. Aksakova [in Russian], vol. 1, Letters, 1838–1849, comp. T.F. Prokopov (Moscow: Russkaya kniga, 2003), 189.*

³⁹ “I.S. Aksakov – to F.A. Buhler, May 21, 1845,” 185–86.

waited for it and did not make special orders before the inspection. In letters to his family, he wrote that he was not afraid of the inspection, because

the resolution of cases is carried out by me in the most conscientious manner and quite quickly, by the way . . . it is often necessary to choose articles from five or six volumes (of the code of laws. – T. B.) for some minor decision.⁴⁰

Even despising service as such, calling it “vile,” jurist Aksakov continued to be an ideal official, in whose hands the 15-volume Code of Laws was a means of establishing the correct order. He was pleased to note that despite the heaviness of the language, the new Criminal Code allowed the judge to make fairer decisions. It required judges to be much more responsible:

The punishments are very strict, but the judge has the right to take into account even the moral motives of the criminal, such as poverty, severe insult, and many others. Of course, this gives rise to great abuse. Meanwhile, I am glad of this because the title of judge rises, a deep understanding of a person is required of him, he is not a simple executor of the letter of the law, according to the spirit of these laws he is given a fairly large field for interpreting circumstances; probably some rogue, an uyezd judge, will begin to make such interpretations and reasoning that you will involuntarily regret the power given to him.⁴¹

Realizing his own professional superiority and a high level of moral pretensions, the capital jurist treated the uyezd judges in Astrakhan and judicial officials in Kaluga with undisguised contempt. In letters to his family, Aksakov accused his colleagues at the Kaluga Criminal Chamber of being unable to act and take responsibility for their decisions. Just like in Astrakhan, Kaluga officials did not know the laws well, but they also did not seek to learn them, being content with the ability to compile reporting documents about their activities. As a result, an impression was quite skillfully created on paper for the central authorities that the local officials had an idea of the requirements of the laws and the courts implemented the laws in practice as far as possible.

Aksakov formulated his most succinctly critical attitude to provincial justice in the preamble to the play *Scenes from the Court* in 1851. He emphasized that he had created a completely vulgar and familiar picture of provincial justice, the vices of which

are excused easily, get along with a condescending conscience, live next to the good qualities of the soul, even accept some completely sincere, good-natured

---

⁴⁰ “Aksakov I.S. – to Relatives, September 21, 1846,” 311.

⁴¹ “Aksakov I.S. – to Relatives, October 30, 1845,” 203.

physiognomy, lull the very consciousness with some kind of special simple-hearted logic.⁴²

In the play, Aksakov vividly demonstrated to the public the criminal leniency of judges who cruelly punished peasants and condoned the tyranny of landowners. Having led the readers of his play behind the closed doors of the court, the author seemed to invite them to become a collective inspector of the court's work. Unlike the official inspector, whose duty was to verify all the processes in the court room with the procedure prescribed by the Code of Law, the public became a moral inspector. The "offensiveness of events" of judicial proceedings behind closed doors was conveyed by Aksakov with thorough accuracy and with a large number of references to the Code of Laws of the Russian Empire. With those references to the Code, the play resembled his inspection reports of his younger years.

Unlike the squalid Astrakhan courts of lower instances, the provincial court portrayed by Aksakov in the play was praised by the governor and the minister himself, as the chairman of the court boastfully recalled in one of the acts of the play. The facade of the Nikolas's legality in the play was quite "decent" in form (order in the papers) and in content. By court decisions, a clear class hierarchy was established in the play, when the downtrodden peasants were reliably subordinated to the tyrant well-done landlords. A frank on-stage discussion of the need to "clean up" before the end of the year clarified how the picture of order in court cases and a decent facade of the system were created. At the same time, as Aksakov bitterly wrote, "the mechanism of the administration makes us forget about the goal, and all officials in Russia strive for written purification only."⁴³ However, according to Aksakov, the initial task under such governance should have been to clear the conscience of all officials.

Conclusion

All of Aksakov's works, written by him as a young legal theorist, inspector, judge and whistle-blower, reflected the problems of Russian justice in a certain way. The evolution of Aksakov's views from the idea of following the letter of the law in public service to the awareness of the need for public service was the result of his disappointment in the possibilities of administrative restructuring of justice. The personal experience of Aksakov, an official, considered in the article, reflected in diverse sources, is an important cross-section of the ideological climate for the preparation of judicial reform and professionalization of legal knowledge in Russia. Aksakov's experience is valuable evidence that allows us to understand why during the reign of Nicholas I, the need for fundamental transformations became more and

---

⁴² I.S. Aksakov, *Letters from the Provinces*, 5.

⁴³ "Aksakov I.S. – to Relatives, September 17, 1844," 152.

more pronounced among representatives of the enlightened stratum of society. Initially conceived in administrative logic, it gradually acquired the features of an increasingly influential ethical requirement.

Список литературы

Анисимова И.В. Имперская судебная политика в Центральноазиатских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв.: основные формы, направления и результаты // Журнал Фронтирных Исследований. 2022. № 1 (7). С. 207–228.

Анненкова Е.И. Гоголь и Иван Аксаков: «беспрерывная внутренняя переработка» как фактор творчества // Гоголь и пути развития русской литературы. К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции (Москва, 01–03 апреля 2018 г.) / под редакцией В.П. Викулова. Москва, Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2019. С. 60–68.

Бибиков Г.Н. Надзор III отделения за частной жизнью губернских чиновников (1820–1830-е гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 2. С. 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108>

Бикташева А.Н. Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 691–698.

Ефимова В.В. Ревизия сенатора Д.О. Баранова как источник по изучению состояния государственного управления в Олонецкой губернии во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2 (93). С. 10–23.

Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России / перевод с английского А. Ланге. Москва: Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.

Крестьянников Е.А. Сценарии введения мирового суда в дореволюционной Сибири // Вопросы истории. 2016. № 9. С. 3–20.

Мотин С.В. Российский славянофил на правоохранительной службе. И.С. Аксаков – сотрудник Министерства юстиции и Министерства внутренних дел Российской Империи. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. 169 с.

Мотин С.В. «Судебные сцены» И.С. Аксакова, опубликованные А.И. Герценом в «Полярной звезде» в 1858 году // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 43–46.

Соколов Д.В. Эволюция сенаторских ревизий в период 1722–1917 гг. // Новый ракурс. 2017. № 2. С.123–133.

Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / перевод с английского М.Д. Долбилова, Ф.Л. Севастьянова. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

Lincoln W.B. Nikolai Miliutin, an enlightened Russian Bureaucrat. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977. 130 p.

References

Anisimova, I.V. “Imperskaya sudebnaya politika v Tsentral'noaziatskikh okrainakh vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: osnovnye formy, napravleniya i rezul'taty” [Imperial judicial policy in the Central Asian outskirts in the second half of the 19th – early 20th centuries: main forms, directions, and results]. *Journal of Frontier Studies*, vol. 7, no. 1 (2022): 207–28. (In Russian)

Annenkova, E.I. “Gogol' i Ivan Aksakov: ‘bespreryvnaya vnutrennyaya pererabotka’ kak faktor tvorchestva” [Gogol and Ivan Aksakov: “continuous internal processing” as a factor of creativity]. In *Gogol' i puti razvitiya russkoi literatury. K 200-letiyu I.S. Turgeneva. Vosemnadtsatye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 01–03 aprelya 2018 g.)* [Gogol and the ways of development of Russian literature. To the 200th anniversary of I.S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings: a collection of scientific articles based on the proceedings of the International scientific conference (Moscow, April 1–3, 2018)], edited by V.P. Vikulov, 60–68. Moscow, Novosibirsk: Novosibirskii izdatel'skii dom, 2019. (In Russian)

Bibikov, G.N. “Nadzor III otdeleniya za chastnoi zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-e gg.)” [Supervision of the Third Department over the private life of provincial officials (1820s–1830s)]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 3, no. 2 (2019): 79–108. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108> (In Russian)

Biktasheva, A.N. “Mestnoe upravlenie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (po materialam senatorskikh revizii)” [Local authorities in Russia in the first quarter of the 19th century (based on the data of the inspections conducted by the Senate)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 158, bk. 3 (2016): 691–98. (In Russian)

Efimova, V.V. “Reviziya senatora D.O. Baranova kak istochnik po izucheniyu sostoyaniya gosudarstvennogo upravleniya v Olonetskoii gubernii vo vtoroi polovine XIX veka” [Senator D.O. Baranov’s inspection as a source for studying the state of public administration in Olonets Governorate in the second half of the 19th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i humanitarnye nauki*, no. 2 (93) (2008): 10–23. (In Russian)

Kirmse, S.B. *Imperiya zakonnosti. Yuridicheskie peremeny i kul'turnoe raznoobrazie v pozdneimperskoi Rossii* [The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late tsarist Russia], translated from English by A. Lange. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. (In Russian)

Krest'yannikov, E.A. “Stsenarii vvedeniya mirovogo suda v dorevolyutsionnoi Sibiri” [Scripts of introduction of justice of peace court in pre-revolutionary Siberia]. *Voprosy istorii*, no. 9 (2016): 3–20. (In Russian)

Lincoln, W.B. *Nikolai Miliutin: An Enlightened Russian Bureaucrat*. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1977.

Motin, S.V. *Rossiiskii slavyanofil na pravookhranitel'noi sluzhbe. I.S. Aksakov – sotrudnik Ministerstva yustitsii i Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Imperii* [Russian Slavophile in law enforcement service. I.S. Aksakov as an official of the Ministry of Justice and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. Ufa: Ufimskii YuI MVD Rossii, 2017. (In Russian)

Motin, S.V. “‘Sudebnye stseny’ I.S. Aksakova, opublikovannye A.I. Gertsenom v ‘Polyarnoi zvezde’ v 1858 godu” [“Scenes from the court” by I.S. Aksakov published in the *Polyarnaya zvezda* by A.I. Herzen in 1858]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2 (2016): 43–46. (In Russian)

Sokolov, D.V. “Evolutsiya senatorskikh revizii v period 1722–1917 gg.” [Evolution of senatorial inspections during 1722–1917]. *Novyi rakurs*, no. 2 (2017): 123–33. (In Russian)

Wortman, R.S. *Vlastiteli i sudii: Razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [The Development of a Russian Legal Consciousness], translated from English by M.D. Dolbilov, and F.L. Sevast'yanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. (In Russian)

Информация об авторе

Татьяна Юрьевна Борисова – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>, tyuborisova@gmail.com, Европейский университет в Санкт-Петербурге (д. 6/1 А, ул. Гагаринская, 191187 Санкт-Петербург, Россия); НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (д. 16, ул. Союза Печатников, 190008 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Tat'yana Yu. Borisova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>, tyuborisova@gmail.com, European University at St Petersburg (6/1 A, ul. Gagarinskaya, 191187 St Petersburg, Russia), National Research University Higher School of Economics in St Petersburg (16, ul. Soyuz Pechatnikov, 190008 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 04.10.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.